ЮРИДИЧЕСКИЕ ФИКЦИИ В СТАТУТЕ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1529 ГОДА

LEGAL FICTIONS IN THE STATUTE OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA 1529

ИЛЬИНА Е.В.,
заместитель начальника отдела регистрации и кадастра РУП «Минское областное агентство по государственной регистрации и земельному кадастру»,
магистр юридических наук, аспирант Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь

В статье впервые в правовой науке рассматриваются юридические фикции, используемые законодателем при формулировании норм Статута Великого княжества Литовского 1529 года, выявляются особенности правовой регламентации общественных отношений того времени при помощи юридических фикций, роль фикций в процессе правового воздействия на общественные отношения, их влияние на оптимизацию правового регулирования, а также целесообразность их законодательного использования.

In the article for the first time in legal science legal fictions in the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529 are considered. Specifics of the legal regulation of public relations of that time by legal fictions, the role of the fictions in the process of legal impact on public relations, their influence on optimization of legal regulation, as well as the appropriateness of their legislative use, are analyzed.

Юридическая фикция (от лат. fictio – вымысел) – это прием юридической техники, при помощи которого конструируется юридически неопровержимое относительно ложное положение, которым существующее признается несуществующим и наоборот, содержащееся в источниках права или соглашении сторон и влекущее определенные юридические последствия [1, с. 128]. В научной литературе отмечается, что юридическим фикциям свойственна универсальность и отсутствие временных рамок существования [1, с. 108; 2, с. 165; 3, с. 8; 4, с. 13 и др.]: фикции использовались на всех этапах развития права и во всех его отраслях. Вместе с тем анализ конкретных исторических источников белорусского права на предмет выявления в них юридических фикций не осуществлялся.

При этом анализ фикций, содержащихся в памятниках отечественного права, обладает как теоретической, так и практической значимостью, позволяя увидеть предпосылки и условия, повлекшие их возникновение, способы формулирования норм, эволюцию той или иной фикции, ее развитие во времени, сохранение либо исчезновение – при возможности урегулирования той или иной ситуации при помощи обычных правовых средств (императивных нормативных правил, предписаний, фикцию не содержащих). Все это дает современному законодателю неоценимый практический опыт и позволяет выработать рекомендации по оптимальному использованию юридических фикций при формулировании норм законодательства в будущем.

Если в достатутном периоде развития отечественного законодательства фикции использовались исключительно редко, то с принятием первого Статута Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ, Княжество) в 1529 году, когда писаное право стало главным источником права, число юридических фикций, зафиксированных в законодательстве, значительно увеличилось. Статут ВКЛ 1529 года содержал больше юридических фикций, чем было использовано за всю предшествующую ему историю развития отечественного права, а большинство фикций, применение которых в дальнейшем осуществлялось в Статутах 1566 и 1588 годов, впервые были использованы законодателем при разработке норм именно первого Статута ВКЛ. При этом анализ привилеев и постановлений, действовавших наряду со Статутом 1529 года, показал, что данные документы не содержали норм, сконструированных при помощи юридических фикций.

Следует отметить, что доминировавшее ранее на территории ВКЛ обычное право не могло обеспечить в спорных ситуациях стабильного распределения прав и обязанностей и

устойчивого правопорядка в силу партикуляризма его предписаний и отсутствия системности в регулировании общественных отношений. Существовавшее в виде великокняжеских привилеев и грамот законодательство достатутного периода не преследовало цели замены обычая писаным правом, принималось в связи с определенными частными случаями и нередко имело временный характер [5, с. 21].

Статуты 1529, 1566 и 1588 годов содержат ценный материал о характеристиках социальных, экономических и политических отношений, общественного и государственного строя, судебной системы, сложившихся к тому времени в ВКЛ, в том числе и на белорусских землях. При этом Статуты не имели единого предмета, а были нацелены на регулирование отношений в различных сферах и содержали нормы государственного, гражданского, семейного, наследственного, земельного, уголовного и судебного (процессуального) права. Источниками Статута ВКЛ 1529 года были обычное право, предшествующие привилеи Княжества, Судебник Казимира 1468 года, административная и судебная практика, а также отдельные нормы римского, западноевропейского, польского и церковного права [6, с. 35]. Однако количество норм отечественного происхождения во всех статутах намного превосходило число заимствованных, которые, как отмечает Н.А.Максимейко, всегда приспосабливались к местным условиям [7, с. 174].

Не ставя перед собой задачу выявить и охарактеризовать все юридические фикции, содержащиеся в Статуте 1529 года, проанализируем отдельные фикции, используемые для регламентации различных областей общественных отношений.

В связи с внешнеполитической ситуацией того времени важной обязанностью в ВКЛ было несение военной службы. Оборона Княжества являлась одним из государственных приоритетов, что обусловило появление в Статуте 1529 года нормы, закрепляющей обязанность Великого князя обеспечить территориальную целостность государства (арт. 2, разд. III). Все подданные Княжества обязаны были лично нести военную службу под угрозой утраты своего имения. Важность обороны подчеркивалась и четко регламентированной процедурой оповещения о необходимости обороны, явки, записи, смотра, роспуска войска и т.д.

Каждый подданный, прибывший на службу, прошедший смотр и перепись, обязан был нести военную службу до полного роспуска войска с теми же слугами, конями и снаряжением. «А если бы кто-нибудь из наших подданных посмел поступить вопреки этому нашему постановлению, если он землевладелец, тот теряет имение, как если бы не был на войне. А если бы кто совершил это, получив деньги, а землевладельцем не был, тот честь свою теряет, как если бы он сбежал с поля битвы» [8, с. 144]. При этом никто из обязанных нести военную службу без ведома и особого разрешения гетмана не имел права уехать с войны до тех пор, пока все войско не будет распущено, «в противном случае таковой теряет свое имение, как если бы не был на войне» [8, с. 144].

Появление в законодательстве ВКЛ рассмотренных юридических фикций свидетельствует о зависимости права в целом (и фикций как одного из его инструментов) от политических, экономических, социальных и иных процессов, происходящих в обществе. Данные фикции используются для усиления значимости обороны государства и демонстрации обязанности неукоснительного несения военной службы. Потому что даже такие относительно малозначительные действия, как замена коня или снаряжения, влекли последствия, аналогичные неявке и уклонению от воинской повинности.

Использование фикций для урегулирования наиболее важной в то время сферы общественных отношений, причем многочисленное их использование, демонстрирует необходимость и значимость данного средства юридической техники. Без применения юридических фикций рассмотренные нормы представляли бы собой типичные правила, императивные нормы. Однако для объяснения жесткости и соразмерности наказания законодателем были использованы именно юридические фикции. О целесообразности использования фикций, примененных для регламентации воинской службы, свидетельствует и то, что данные фикции были закреплены и в последующих Статутах 1566 и 1588 годов.

Еще одной характерной фикцией Статута 1529 года является закрепленное в артикуле 6 раздела I положение о том, что в случае оскорбления (насилия, избиения или

ранения) великокняжеского врадника или посланца при выполнении ими земского поручения Великого князя, виновный «должен быть приговорен к смертной казни, как если бы оскорбил великокняжеское достоинство самого Великого князя» [8, с. 134].

Данной нормой Статута устанавливалась неприкосновенность врадовых посланцев, которые имели при себе хозяйственные привилегированные грамоты и находились при исполнении служебных обязанностей. При помощи юридической фикции причинение даже незначительного вреда враднику или посланцу квалифицировалось как оскорбление самого Главы государства, то есть как государственное преступление. Виновные в совершении подобных преступлений подлежали жестоким наказаниям (смертной казни). Отличительной особенностью конструкции данной нормы является то, что не будь уточнения «как если бы оскорбил наше великокняжеское достоинство», эта норма представляла бы собой обычное императивное предписание. В данном случае фикция используется для усиления значимости выполнения поручений Великого князя, указания на недопустимость препятствования их исполнению, то есть выполняет важную идеологическую функцию, служит средством воплощения приоритетов законодательной политики.

Еще Г.Ф.Шершеневич, исследуя проявления юридической фикции в различные периоды истории, утверждал, что с точки зрения публичного права теория фикции есть теория абсолютизма. По мнению ученого, фикция используется в качестве средства выражения абсолютной власти, служит безотказным инструментом в руках государства для воплощения политических решений [9, с. 183]. Рассмотренные нами выше нормы Статута 1529 года наглядно демонстрируют эту грань юридических фикций.

Однако и во времена первого Статута фикции использовались не только для урегулирования государственно значимых ситуаций. К примеру, артикул 12 раздела III Статута 1529 года устанавливал порядок установления внебрачного происхождения ребенка: «Если бы его собственный отец отказался от него и заявил, что это не его сын, или записал это в завещании, лишая его наследства, или имел его от невенчанной жены, тогда такой человек должен быть признан действительно незаконнорожденным, и других доказательств не требуется» [8, с. 150].

Введение данной юридической фикции было обусловлено ограниченными возможностями медицины и науки того времени и невозможностью достоверного установления отцовства. В рассматриваемой ситуации для того, чтобы считать человека незаконнорожденным, достаточно было лишь заявления отца. При этом не имело значения, соответствовало ли его высказывание фактическому положению вещей: человек в любом случае считался незаконнорожденным и возможность опровержения данного утверждения отсутствовала. Вместе с тем законодатель справедливо ограничивал обстоятельства и возможности использования данной фикции: «отец, женившись вторично, не должен лишать своего сына наследства и объявлять его незаконнорожденным, если при жизни матери считал его своим сыном» [8, с. 151].

Юридические фикции, в дальнейшем органично воспринятые иными законодательными актами и используемые вплоть до настоящего времени, содержались и в разделе VI Статута 1529 года, регулирующем порядок рассмотрения судебных споров. Суд в то время был главным правоохранительным органом государства, обеспечивал охрану правопорядка, ограничивал произвол отдельных господ. В Статут 1529 года впервые были внесены нормы, устанавливающие порядок ведения судебных книг, форму вызова в суд, письменное изложение исковых требований, что стало важным шагом в развитии процессуального права и собственно судопроизводства.

Судебное следствие начиналось по инициативе истца или его близких родственников. По общему правилу дело рассматривалось только в присутствии ответчика, который должен был быть осведомлен о времени и месте судебного заседания, для чего вызывался в суд повестками великокняжескими (или воеводы, или других врадников). Статут точно регламентировал места, в которых должна была вручаться повестка: или лично в людном месте, или во дворе ответчика. Вызов повестками осуществлялся два раза. Если же вызванный не являлся по этим двум повесткам, то он должен был быть доставлен децким, а при дальнейшем уклонении – истец вводился во владение имением до окончательного рассмотрения дела судом. Уважительными

причинами для переноса сроков рассмотрения дела были болезнь, служба или присутствие стороны на другом судебном заседании [8, с. 166].

Вместе с тем в то время частыми были случаи, когда ответчики по различным причинам прибегали к умышленному затягиванию процесса. С целью обеспечения ускорения отправления правосудия при помощи юридических фикций законодателем четко устанавливались правовые последствия за неявку в суд без уважительных на то причин: «Однако если бы ответчик был здоров и не хотел явиться без уважительных причин, тогда паны должны открыть книги и вынести решение о возмещении ущерба…» [8, с. 166]. Таким образом, дело рассматривалось в отсутствии ответчика так, как если бы он присутствовал. Это препятствовало затягиванию процесса недобросовестной стороной.

В указанной ситуации имелись достаточные основания полагать, что сторона уклоняется от суда, не заинтересована в исходе дела и сознательно затягивает его разрешение. А поскольку подобное препятствование реализации судопроизводства недопустимо, дело подлежало рассмотрению по существу, – суд исходил из того, что сторона надлежаще извещена о необходимости явиться в суд. Без применения юридической фикции невозможным было бы разрешение спора. Ее использование при конструировании данной нормы в первую очередь было направлено против недисциплинированности лиц, участвующих в деле, с целью повышения уровня их ответственности за свои действия. Юридическая фикция позволяла законодателю обеспечить выполнение правил судопроизводства всеми субъектами.

При этом согласно Статуту ВКЛ 1529 года юридическая фикция применялась в качестве санкции не только к недобросовестному ответчику, но и к истцу. Так, в соответствии с артикулом [13] 12 раздела VI «если бы истец, возбудив дело в суде, к последнему сроку не мог предоставить доказательств по делу, которое возбудил, то он проигрывает свое дело, а врадник не должен предоставлять ему отсрочки <…> для сбора доказательств сверх установленного срока» [8, с. 171].

Вынесенное судом решение по делу в пользу ответчика без фактического рассмотрения спора с определенной вероятностью могло не отражать реального положения вещей, поскольку не представленные истцом доказательства не исследовались. Вместе с тем без установления данной фикции невозможно было бы рассмотреть дело в установленные сроки. Функции указанной юридической фикции аналогичны рассмотренным выше: недопустимость затягивания судебного процесса, препятствование злоупотреблению правом недобросовестной стороной спора, устранение ситуации правовой неопределенности.

Важной процедурой в ВКЛ была и процедура установления земельных границ, которая происходила еще из древнерусского права. Установление границ между имениями происходило в присутствии большого количества лиц: стороны должны были явиться в сопровождении свидетелей, свиты, многочисленных друзей, мерников и копателей и так далее – все они в будущем при возникновении земельных споров должны были подтвердить правильность земельных границ.

Истец должен был представить восемнадцать свидетелей по делу, а ответчик – выбрать из этих восемнадцати свидетелей шесть, заслуживающих доверия, показания которых учитывались непосредственно на суде. Процедура земельного межевания была сложной, происходила на месте спора, то есть стороны, их свита, свидетели, судьи должны были одновременно съезжаться к назначенному месту. Перенос рассмотрения межевого спора на другой срок влек за собой целый ряд сложностей и поэтому был крайне нежелательным.

Исходя из вышеизложенного, срок, первоначально установленный судом для производства размежевания, согласно артикулу 3 раздела VIII Статута 1529 года должен был быть окончательным и ни под каким предлогом не мог быть перенесен на более позднее время, за исключением мора или вального сейма, или выполнения великокняжеской службы, или болезни. «Если же кто-либо перед этим сроком заболел бы, то обязан сообщить об этом судьям и другой стороне, тогда рассмотрение дела должно быть отложено до выздоровления заболевшего, а когда он выздоровеет, то, явившись во второй срок, должен присягнуть перед судьями в том, что действительно в то время был болен» [8, с. 186].

Если же любая из сторон или свидетелей не являлась по какой-либо иной причине, кроме перечисленных четырех, то другая сторона в ее отсутствие представляла имеющиеся у нее доказательства перед специально назначенными межевыми судьями и дело должно было разрешаться в соответствии с законом и с установлением границ, осуществляемым присяжными свидетелями на месте, где происходило размежевание, и личной присягой, «и тем самым спорный предмет должен быть закреплен за ней навечно» [8, с. 186]. То есть отсутствие второй стороны спора не препятствовало рассмотрению дела, отсутствующая сторона не могла ссылаться на это обстоятельство в дальнейшем.

Однако если сторона предвидела недостоверность либо недостаточность своих доказательств, она могла прибегнуть к намеренному затягиванию дела, используя и такое средство, как отвод свидетелей другой стороны. Против отвода свидетелей недобросовестной стороной была направлена норма, содержащаяся в артикуле 15 раздела VIII Статута 1529 года. Так, если ответчик не выбрал никого из свидетелей и дал всем им отвод с целью воспрепятствовать разрешению дела, а истец не обеспечил себя другими свидетелями в окончательный срок рассмотрения и из-за этого должен был бы проиграть земельный спор, то он имел право отстоять репутацию своих свидетелей непосредственно в суде вне зависимости от причин отвода. «И если судьи признают, что ответчик неосновательно опорочил этих свидетелей и дал им отвод, а свидетели оправдаются, то ответчик каждому из опороченных им свидетелей в соответствии с их происхождением будет обязан дать вознаграждение: шляхтичу как шляхтичу, крестьянину как крестьянину столько, как если бы его ранили» [8, с. 190].

Таким образом, если устанавливалось, что свидетелей отводили безосновательно, то тот, кто это сделал, должен был заплатить каждому такому свидетелю навьязну (денежный штраф) за бесчестие. Размер навьязны определялся социальным положением потерпевшего от несправедливых обвинений. Юридическая фикция приравнивания законодателем обвинения к нанесению ранения была обусловлена стремлением к законодательной экономии: данная фикция способствовала сокращению нормативного материала и влекла отсутствие необходимости повторения предусмотренных артикулом 9 раздела VII и артикулом [5] 4 раздела XI норм Статута о ранениях.

Несмотря на то, что, на первый взгляд, законодатель в данной ситуации мог обойтись и без использования юридической фикции, продублировав в тексте артикула 15 раздела VIII Статута ВКЛ 1529 года положения артикула 9 раздела VII и артикула [5] 4 раздела XI, использование данной юридической фикции следует признать рациональным и целесообразным: в силу особенностей техники написания Статута и громоздкости артикулов, а также поскольку Статут 1529 года во время введения его в действие не был напечатан, а переписывался и передавался в рукописях, списках [7, с. 60], дублирование такого положения повлекло бы неоправданное расходование временных и материальных ресурсов.

Таким образом, Статут ВКЛ 1529 года содержал больше юридических фикций, чем было использовано за всю предшествующую ему историю развития отечественного права. Подводя итог рассмотрению юридических фикций Статута 1529 года, можно сделать вывод о том, что законодатель использовал фикции для регулирования совершенно различных по своей специфике областей общественных отношений: как публично-правовых, так и частноправовых, как материально-правовых, так и процессуально-правовых. При этом использование юридических фикций для регламентации наиболее значимых сфер общественных отношений того времени демонстрирует необходимость и значимость данного средства юридической техники.

Несмотря на то, что в дословном переводе с латинского слово «fictio» означает «вымысел», юридические фикции – это не просто некие оторванные от реальности вымыслы законодателя, а элементы правовой действительности, отражающие традиции правовой культуры и правосознания, принципы законодательной политики и желаемые для государства тенденции развития общества на том или ином историческом этапе. На основе историко-правового анализа было установлено, что создание юридических фикций в национальной правовой системе обусловлено действием множества факторов: спецификой правовых отношений в публичной и частной областях правового регулирования, особенностями исторического развития общественных отношений в

целом, а также отраслей и институтов права, уровнем развития науки и технологий, совершенством юридической техники и т.д.

Специфика и функции конкретных юридических фикций предопределяются целями, которые вызвали необходимость использования фикций в правовых реалиях. К функциям фикций Статута ВКЛ 1529 года можно отнести: выражение приоритетов законодательной политики, устранение ситуаций правовой неопределенности, функции процессуальной экономии и экономии нормативного материала, а также использование юридических фикций в качестве своеобразных санкций к недобросовестным участникам судебных процессов либо земельных споров с целью обеспечения выполнения общеустановленных правил.

При этом анализ юридических фикций, использованных законодателем при создании норм Статута ВКЛ 1529 года в целях выражения приоритетов законодательной политики и экономии нормативного материала, показал, что эти цели могли быть достигнуты посредством использования технически-юридических приемов и средств, не связанных с противоречием реальной действительности (к примеру, посредством установления императивных правовых норм или дублирования). Вместе с тем применяемые юридические фикции целесообразны, адекватны социально-экономической и государственно-правовой реальности того времени, отражают ее существенные особенности и черты.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Филимонова, И. В. Юридические фикции в праве России: история и современность : моногр. / И. В. Филимонова. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 376 с.

2. Танимов, О. В. Теория юридических фикций : моногр. / О. В. Танимов ; редкол.: Т. В. Кашанина (отв. ред.). – М. : Проспект, 2015. – 224 с.

3. Душакова, Л. А. Правовые фикции : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Л. А. Душакова ; Рос. юрид. ин-т МВД России. – Волгоград, 2004. – 25 с.

4. Марохин, Е. Ю. Юридическая фикция в современном российском законодательстве : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е. Ю. Марохин ; Сев-Кавк. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 25 с.

5. Довнар, Т. І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т. І. Довнар. – Мінск : Пропилеи, 2000. – 224 с.

6. Саракавік, І. А. На шляху да Статута Вялікага княства Літоўскага 1529 г. / І. А. Саракавік // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года – падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыяналізму (да 480-годдзя прыняцця) : зб. навук. арт. / Беларус. дзярж. ун-т, Юрыд. фак., Каф. тэорыі і гісторыі дзяржавы і права ; рэд. Н. В. Баярава. – Мінск : Рэсп. ін-т выш. шк., 2009. – С. 35–39.

7. Максимейко, Н. А. Источники уголовных законов Литовского Статута / Н. А. Максимейко. – К. : Тип. Императ. Ун-та Св. Владимира, 1894. – 184 с.

8. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / под ред. К. И. Яблонскиса. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 254 с.

9. Шершеневич, Г. Ф. Общая теория права : учеб. пособие : в 2 т. / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Статут, 1995. – Т. 2. – 397 с.

Дата поступления статьи в редакцию 12.09.2017